

вый простолюдн зачастую имеет большее влияние на ход общественных дел, чем трусливый, слабовольный, косноязычный князь», и на с. 35, что «безусого князя или дворянина сажали на почетное место, а старцы из числа низшего сословия не смели даже «стать с ними рядом». Что же касается приглашения в дом (с. 100—102), то оно не полностью бессодержательно: хотя обычно следует вежливый отказ, но в случае необходимости непереносимость произнесения данной формулы дает возможность без всяких помех воспользоваться приглашением. В числе прочих недостатков, диссонирующих с общим хорошим впечатлением от книги, надо отметить малое привлечение архивных материалов, которые, насколько нам известно, имеются и могут быть с успехом использованы для более полного освещения поднятых в книге проблем.

Все эти и некоторые другие сравнительно мелкие и легко устранимые погрешности и недостатки не могут существенным образом снизить высокую ценность рецензируемой книги. Она интересна не только для специалиста, но и для самого широкого читателя.

Известно, что в наши дни создание современных ритуалов, и не только ритуалов, но и вообще норм общения, социалистических по содержанию, но продолжающих лучшие народные традиции в их форме и в осмыслении, имеет большое значение. В городах КБАССР, например, взаимообогащение культур, взаимные благотворные контакты людей разных национальностей ярко проявляются в бытовой практике. Например, при бракосочетании людей, не являющихся адыгами — русских, украинцев и др., при участии их друзей-кабардинцев в ритуал свадьбы вводится множество элементов традиционной кабардинской обрядности. Это явление в целом, несомненно, положительное, говорящее о растущем культурном сближении народов нашей страны. Но для того чтобы процессы этого сближения и выработки новых социалистических норм общения протекали не только стихийно, но и осознанно, необходимы теоретические и фактические исследования по традиционной культуре общения народов СССР. Книга Б. Х. Бгажюкова один из важных шагов в этом направлении.

С. А. Арутюнов, А. К. Шагиров

Новгородские былины. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1978, 456 с. (серия «Литературные памятники»).

Изданная в серии «Литературные памятники» антология «Новгородские былины» — вторая за последние годы подобная работа Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого (в 1974 г. в этой же серии вышел подготовленный ими сборник «Добрыня Никитич и Алеша Попович»). В рецензируемой книге развиваются и углубляются принятые в предыдущем сборнике принципы публикации и комментирования текстов, методология их исследования; сюжеты новгородских былин рассматриваются на широком фоне славянских эпических традиций, балто-славянских и финско-славянских культурных связей, с учетом новейших данных археологии, этнографии, топонимии, диалектологии.

Среди ученых до сих пор нет единства в решении вопроса о вкладе новгородцев в развитие русского эпоса; многие склонны его преувеличивать. Составители рецензируемого сборника занимают осторожную позицию, высказывая целый ряд серьезных возражений против «отождествления севернорусской или даже всей русской эпической традиции с новгородской» (с. 330). В статье «Новгород и русская эпическая традиция» выдвигается тезис о смешанном характере былинного репертуара русского Севера, убедительные доводы в пользу этого положения приведены и в статье В. В. Коргузалова «Напевы былин новгородского цикла», в примечаниях к публикуемым текстам.

В кратких, но богатых информацией и популярно написанных разделах о социальной структуре и быте средневекового Новгорода, о путях новгородской колонизации Севера, об основных этапах собрания русских былин также содержится немало фактов, свидетельствующих о том, что в репертуаре северных сказителей тесно переплетаются эпические традиции, занесенные как из пределов бывшей новгородской метрополии, так и из центральной России. Особенно полезным в этом плане представляется нам подробный анализ материалов северных экспедиций МГУ 1956—1964 гг., участниками которых были составители рецензируемого сборника.

Не вызывает возражений и решение другого спорного вопроса — какие именно сюжеты считать собственно новгородскими, т. е. созданными в древнем Новгороде. Здесь авторы статьи и примечаний также проявили необходимую научную осторожность.

Одно из важнейших достоинств рецензируемого сборника — удачный отбор и научно мотивированное расположение текстов. При подготовке антологического издания нетрудно поддаться искушению «показать товар лицом», отобрав для него яркие, высокохудожественные произведения, свидетельствующие об огромном твор-

ческом потенциале их создателей. Составители «Новгородских былин» предпочли другой путь — гораздо более трудный, но зато и более плодотворный в научном отношении. В сборнике немало классических текстов, составляющих золотой фонд русской былевой поэзии, но рядом с ними помещены и прозаические пересказы былин, незаключенные варианты, художественно убедительные новообразования отдельных певцов, образцы казачьих песен на былинные сюжеты. Расположены они в таком порядке, который помогает воссоздать общую картину исторического развития сюжета, выделить основные ступени его эволюции, нащупать генетические связи между наиболее важными версиями и редакциями былин и определить их место в эволюционных цепочках, охарактеризовать «тупиковые» пути, которые в конечном счете приводят к разрушению былинны как художественного целого или выходят за пределы собственно эпической поэзии. Предложенная авторами примечаний трактовка сюжетов новгородских былин убедительно аргументирована и не вызывает существенных возражений.

Можно только приветствовать стремление составителей сборника к публикации записей, хранящихся в архивах. Каждая такая публикация приближает нас к тому моменту, когда будут напечатаны все известные науке записи русских былин. Первые вводимые в научный оборот Ю. И. Смирновым и В. Г. Смолицким тексты знакомят читателей с оригинальными мотивами, версиями и редакциями исследуемых сюжетов, позволяют полнее и глубже охарактеризовать их эволюцию. Достижению этой цели способствуют также интересные параллели, обнаруженные составителями в русских сказках, преданиях и быличках, тексты которых помещены в «Приложениях».

Безупречен научный аппарат «Новгородских былин». Публикуемые варианты сопровождаются обширными комментариями, в которых содержится немало интересных наблюдений и выводов, касающихся как индивидуальной исполнительской манеры того или иного сказителя, истории комментируемого текста, так и истории былинного сюжета в целом. Особенно удались авторам примечания к вариантам былин о Василии Буслаевиче из сборника Кириши Данилова, а также калики из Красной Ляги и колодозерского старика, к текстам былинны «Садко», записанным от А. Сорокина, А. Крюковой, Ф. Конашкова, к варианту «Хотена Блудовича» в исполнении Т. Иевлева — внука знаменитого Ильи Елустафьева, к уникальной былинне М. Кривоноговой «Вавило и скоморохи».

Нельзя не согласиться, например, с отмеченными в комментариях внутренними противоречиями сорокинской былинны «Садко», остроумным объяснением появления образа «царицы Белорыбицы» в тексте А. Крюковой. Убедительными выглядят предположения о связи одного из эпизодов былинны «Василий Буслаев молиться ездил» в сборнике Кириши Данилова с историей поволжской вольницы, а термина «Поддонный царь» в былинне «Садко» карела В. Лазарева — с карельскими представлениями о жилище хозяина моря (впрочем, составители сборника почему-то обошли молчанием аналогичные формулы «поддонный князь» и «царице Поддоннице» в былинах возераца Ф. Никитина и печорского сказителя П. Маркова — № 36 и 38 в рецензируемом издании).

Подготовка примечаний потребовала кропотливой текстологической работы. Для того чтобы констатировать, скажем, книжное происхождение какого-либо варианта, необходимо убедиться, что многие его ключевые мотивы и образы не имеют аналогов в местной былинной традиции, установить их книжные источники. Подобному анализу подвергнуты два варианта былинны «Василий Буслаевич» и шесть вариантов былинны «Садко», и в каждом случае аргументация составителей сборника представляется достаточно убедительной.

Сошлемся на такой пример. По поводу былинны «Василий Буслаевич», записанной заонежским сказителем И. Касьяновым, в «Новгородских былинах» сказано, что текст усвоен через книгу, его источник — вариант калики из Красной Ляги в сборнике Рыбникова (с. 377). Автору рецензии недавно довелось специально заниматься творческим наследием И. Касьянова, знакомиться с его рукописями. Выяснилось, что большинство опубликованных в сборнике Тихонравова — Миллера материалов Касьянова, в том числе и упомянутый вариант «Василия Буслаевича» — повторные записи, сделанные этим сказителем от калики из Красной Ляги. (Удалось установить и имя последнего — Петр Кириллович Дьячков.) Не имея достаточных данных, составители «Новгородских былин», естественно, не рискнули посчитать эти тексты двумя записями от одного исполнителя, но близкое родство вариантов установили безошибочно. Кстати, в комментарии к тексту из сборника Рыбникова правильно указано на опisku или опечатку в имени отца Василия («Буслаев» вместо «Буславьюшко»). В рукописи Касьянова в этом стихе имя традиционное — «Буславлюшко».

Составители сборника — опытные собиратели, неоднократно бывавшие на Севере, хорошо знающие его географию. Это позволило им указать некоторые ошибки в названиях селений, допущенные А. Гильфердингом (Усть-Пога, Тамицкая Лахта и др.). Как и в сборнике «Добрыня Никитич и Алеша Попович», в «Новгородских былинах» помещены карты, наглядно иллюстрирующие распространение отдельных былинных сюжетов и сказки «В подводном царстве» (АТ 677), во многом перекликающейся с былинной «Садко».

Наконец, нельзя не отметить исчерпывающей, выверенной до мелочей библиографии вариантов новгородских былин. В этом отношении рецензируемое издание наряду со сборником «Добрыня Никитич и Алеша Попович» может послужить надежным подспорьем при подготовке свода русских былин.

Вместе с тем работа Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого, выполненная в целом весьма квалифицированно, на высоком научном уровне, не свободна от спорных положений; предложенные авторами решения некоторых вопросов выглядят недостаточно обоснованными.

После публикации статьи А. А. Горелова, автор которой на основе тщательного текстологического анализа доказывает свойственное всем текстам сборника Кириши Данилова единство художественной манеры¹, любая попытка усомниться в этом единстве нуждается в серьезной и обстоятельной аргументации. В примечаниях к «Новгородским былинам» (с. 407, 413) такая попытка предпринята без достаточных оснований.

В статье «Новгород и русская эпическая традиция» и в примечаниях к текстам последовательно проводится такая мысль: в древнейших версиях второй части быliny Садко должен был проигрывать спор новгородцам, после чего он «спешит уйти в море, чтобы снова получить поддержку от своего покровителя и, видимо, снова возвыситься» (с. 323); «Лишь проиграв Садко служит убедительным мотивом для ухода героя в море — к чудесному острову», в этом проигрыше проявляется «скрытая, требующая продолжения повествования зависимость Садка от волшебного покровителя» (с. 324). На основе карельского пересказа быliny в примечаниях предположительно реконструируется более древний способ обогащения героя, предшествовавший зафиксированному в русских записях (пользуясь покровительством морского царя, герой вывозит с чудесного острова пни и камни, которые затем превращаются в золото и серебро). Предложенная читателям гипотеза выглядит стройной и убедительной, но, на наш взгляд, она во многом уязвима.

Трудно согласиться с отождествлением морского царя (водяного) в первой и третьей частях быliny, ибо в разных сюжетах этим персонажам отведены совершенно разные роли. В первом сюжете морской царь — волшебный помощник героя, без содействия которого Садко не смог бы одолеть новгородских купцов. Во втором — это противник, антипод героя. Насколько нам известно, ни в сказках, ни в былинах помощник героя никогда не превращается в его врага. Поэтому естественно предположить, что сводная былина о Садко — результат контаминации самостоятельных произведений, в которых фигурируют *разные* повелители водной стихии (кстати, по былинам, они обитают в разных водоемах — в Ильмень-озере и в море). И не случайно во многих вариантах быliny, в том числе и в сорокинских, объединяющих все три сюжета, морской царь лишь понаслышке знает о мастерстве Садко-гусяря.

Еще более сомнительной представляется нам мотивировка отъезда Садко из Новгорода. Ни в одном варианте русских былын не упоминается чудесный остров, на котором герой добывает сокровища. Отголосок этого мотива Ю. И. Смирнов усматривает во втором тексте сборника Кириши Данилова, «где морской царь принимает Садка на острове» (с. 393). Но не слишком ли это произвольное толкование? В былинах сказано только, что перед героем внезапно возникли «круты береги» (невидимый, иной мир стал видимым человеку — мотив, известный и сказкам, и преданиям), но не конкретизировано, материк это или остров:

Не видал Садко-купец, богатой гость,
Ни горы, не берегу,
Понесло его, Садка, к берегу,
Он и сам, Садко, тута дивуется.

Ссылка на единственный карельский текст, пусть даже и связанный с русской традицией, вряд ли позволяет игнорировать все другие записи и делать далеко идущие выводы. (Приходится сожалеть, что для полной публикации этого текста в рецензируемом сборнике не нашлось места.)

Русский материал не дает оснований и для того, чтобы считать морского царя в заключительной части быliny покровителем героя. Возобновляя контакты с волшебным помощником, сказочный герой обычно знает, где и как его искать, чего не скажешь о Садко. Более того, герой быliny при жеребьевке пускается на хитрости, упорно избегая встречи с морским царем; нет ни одного текста, где бы он по доброй воле покидал корабль. Наконец, Садко ничего не получает от морского царя, он даже «в убытке» — в подводном царстве ломает гусли, а порой и связывает себя обещанием построить церковь в честь своего истинного покровителя. Все эти мотивы детально разработаны, повторяются в вариантах из разных районов русского Севера, что свидетельствует о длительной и устойчивой традиции.

Как уже говорилось выше, морской царь в третьем сюжете не покровитель, а антипод героя, борьба с ним составляет содержание былинного конфликта. Садко нарушил обычай — не платил дани морскому царю, и, отправившись в море, оказался в его власти. Цели былинного героя и его антипода прямо противоположны: морской царь хочет навсегда оставить гусяря в своем мире, Садко стремится вновь обрести свободу. Видеть во всем этом развитие отношений между героем и его покровителем, по нашему мнению, не совсем логично.

¹ А. А. Горелов. Диффузия устнопоэтической техники в Сборнике Кириши Данилова. — «Проблемы художественной формы. Русский фольклор», XIV. Л., 1974. Показательно, что выводы фольклориста согласуются с результатами лингвистических исследований А. П. Евгеньевой (А. П. Евгеньева. Рукопись Сборника Кириши Данилова и некоторые ее особенности. — «Древние русские стихотворения, собранные Киришью Даниловым». М.—Л., 1958).

На фоне других разделов послесловия, органично связанных с общей концепцией авторов, удачно дополняющих публикуемые тексты и помогающих лучше в них разобраться, чужеродной вставкой выглядит первый раздел. Дело даже не в том, что вопрос об этническом составе населения Новгородской земли не входит в компетенцию фольклористов и требует обстоятельного исследования и развернутой системы доказательств. В издании подобного рода достаточно было краткой исторической справки, констатирующей этническую чересполосицу на европейском Севере России, возможное участие угро-финских и балтских народов в формировании отдельных элементов новгородской эпической традиции. Экскурсы в область этногенеза были бы в какой-то мере оправданы, если бы в сборник вошла былина «Чудь белоглазая», но она не привлекла внимания авторов.

Временами составители «Новгородских былин», сетуя на скудость материалов, предъявляют слишком жесткие требования к собирателям прошлого, что приводит к искажению исторической перспективы. Нельзя же к собирателям XIX в. подходить с мерками сегодняшнего дня, тем более, что далеко не все они были профессиональными филологами. Особенно несправедливо сгущены краски в отношении А. Ф. Гильфердинга, которого упрекают в том, что он «...не пожелал записать весь репертуар А. П. Сорокина» (с. 396), «...не пожелал записать» на Кен-озере былинку «Садко», не зафиксированную последующими собирателями (с. 397), «...крупный чиновник, злоупотреблявший своим „генеральским“ положением: он не искал на Севере певцов, их к нему на запись приводили местные полицейские чины и старосты, что, естественно, не содействовало созданию атмосферы доверия, в которой по-настоящему раскрывается сказитель» (с. 327).

Возможно, Гильфердинг и обращался иногда к посредничеству полицейских чиновников² (нам не известно, на какие источники опираются Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий), но не это было главным в его деятельности. Предпринимая длительные поездки, Гильфердинг подбирал себе в провозатые кого-либо из певцов — выгозерца А. Багова, пудожан П. Калинина, П. Антонова, А. Сорокина, водлозерца С. Панова — и с их помощью быстро налаживал контакты с местным населением. В своих воспоминаниях заонежский сказитель И. Касьянов называет Гильфердинга «человеком очень скромным, смиренным и ласковым», умеющим сходить с людьми³. Да иначе он и не смог бы за полтора месяца (две недели у собирателя отняли переезды) записать более 300 текстов от 70 сказителей.

Высказанные замечания касаются частных вопросов и не влияют на положительную в целом оценку сборника «Новгородские былины». Его появление — хороший подарок всем любителям русского народного творчества, весомый вклад в подготовку свода русских былин, издание которого поставлено на повестку дня.

Ю. А. Новиков

² Кстати, П. Н. Рыбников, человек гораздо более радикальных взглядов, не гнушался помощью местных властей, а однажды самого губернатора уговорил послать за каликой из Красной Ляги и записал от этого певца девять текстов.

³ См. об этом: В. С. Бахтин. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга. (Былины И. А. Касьянова). — «Русский фольклор. Материалы и исследования», П. М. — Л., 1957, с. 228—230.

Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Издание подготовила Н. А. Криничная. Л., 1978, 254 с.

В сборник, составленный исследовательницей исторических песен и преданий Н. А. Криничной, вошли тексты русских, а также карельских и вепских преданий, записанных на русском языке в Карелии и прилегающих к ней областях. В книге 234 текста; кроме того, в «Приложении» приведены сведения еще о 517 преданиях того же региона.

В книге мы видим как тексты, зафиксированные до Великой Октябрьской революции, почерпнутые преимущественно из печатных источников XIX — начала XX в., так и записи советского времени, в основном публикуемые впервые. Эти предания собраны А. В. Беловановой и А. П. Разумовой, В. Я. Евсеевым, А. Д. Соймоновым и многими другими; большая же часть — составителем сборника Н. А. Криничной и В. И. Пулькиным. Как правило, тексты, зафиксированные до революции, более или менее точные пересказы; тексты, собранные в советское время, — результат точной, частично магнитофонной записи. Качество публикуемых текстов, однако, зависит не только от точности воспроизведения рассказа: одни представляют собой законченное повествование со строгим и последовательным изложением фабулы, другие являются смутным воспоминанием, которое сбивчиво излагается в ответ на вопросы собирателей. И несмотря на это, все публикуемые в сборнике тексты, независимо от своего эстетического качества, содержат ценную историческую информацию.

Текстам предпосланы вступительные статьи. В первой раскрываются характер сборника, его цели, задачи, история создания, построение, во второй — принципы отбора и